

Русский Леонардо

Что человеку гибель мироздания –

Пусть меркнет неба звёздная порфира:

Страшитесь же иного угасанья:

Мрак разума ужасней мрака мира!

А. Л. Чижевский

«В минуты особых состояний, которые поэты издревле называют вдохновением, мне кажется, что моё сердце извергает пламень, который вот-вот вырвется наружу...»

А. Л. Чижевский

Нынешний год – особенный. Одно перечисление круглых дат, так или иначе связанных с освоением космоса, заняло бы много места. 110 лет со дня рождения Александра Леонидовича Чижевского – из этого списка.

К вящему сожалению, это имя, наряду с именами остальных русских космистов, вспоминают лишь изредка – во время академических конференций и в узких научных дискуссиях. Целая когорта выдающихся представителей отечественной культуры (а столь масштабные учёные, как Богданов, Умов, Обручев, Вернадский, Чижевский, Ефремов – явление общекультурное) не освящает своим авторитетом поиск будущего России, не

является духовным ориентиром нового поколения. У государственных мужей иные планы...

Род Чижевский полон славными представителями. Прадед Никита Васильевич участвовал в знаменитых походах Суворова и Кутузова, был более чем в двадцати сражениях, десятки раз ходил в атаки, имел свыше сорока ранений, четырнадцать детей и умер в возрасте ста одиннадцати лет.

Отец Леонид Васильевич был артиллеристом. Ещё поручиком изобрёл командирский угломер для стрельбы артиллерии по невидимой цели с закрытых позиций. Но великий князь Сергей Михайлович, стоявший во главе российской артиллерии, сказал: «Русские не должны прятаться за укреплениями, а разить врага в лоб». Отец всячески способствовал развитию поискам гениального сына, как и сестра рано его умершей жены – матери Александра. Знание точных наук совмещалось с ранних лет с чтением стихов и наблюдениями за звёздным небом. Педагогическая же деликатность отца хорошо характеризуется в пожелании перед первым посещением гимназии: «Рекомендую тебе, Шура, не подъезжать к самой гимназии, а выйти из экипажа раньше: ведь там учатся разные дети, среди них есть и бедные. Благоднее и лучше особенно ничем не выделяться. Впрочем, делай, как знаешь!»

С 1913 года Чижевские жили в тихой провинциальной Калуге, куда перевели Леонида Васильевича. В 1913-1914 годах Александр Леонидович учился в частном реальном училище, а с 1914 по 1922 год он одновременно занимался в Московском университете, коммерческом и археологическом институтах. В Калуге он познакомился с Константином Эдуардовичем Циолковским. Поразительна была их дружба – особенно если вспомнить о 40-летней разнице в возрасте, – дружба, которая продолжалась два десятилетия, вплоть до смерти основоположника ракетостроения. Два гения-чудака, подвергаемые насмешкам, шельмованию не только со стороны унылых обывателей, но и многих учёных, – они поддерживали друг друга, помогали в труде и борьбе.

...Успел молодой учёный и повоевать. В 1916 году с разрешения отца он поехал вольноопределяющимся в артиллерийскую бригаду на Галицийский фронт. Прослужил недолго, так как был ранен и контужен, награждён солдатским Георгием, и вскоре демобилизован. Оба – и отец, и сын – приняли Октябрьскую революцию.

Философия Чижевского относится к космизму – феномену, возникшему в России и органически ей принадлежащему. Извечное стремление русского человека к целостности и постановке предельных вопросов бытия синтезировалось на рубеже XIX-XX века с переворотом в сознании, породившим символизм в искусстве, теорию относительности в физике, историческую антропологию, теорию бессознательного в психологии. В России этот переворот особенно глубоко оказался связан с мировоззренческим взрывом. Появились оригинальные русские религиозные философы, впервые в православии заговорившие о четвёртой божественной ипостаси – Софии-Премудрости, под которой понимали в том числе и одушевлённую Вселенную, о всеединстве и соборности как пути несовершенной вселенной к Богу.

В науке ряд синтетических умов подошёл вплотную к осознанию того, что от мировоззрения учёного напрямую зависит цель его исследования, его ход и истолкование

результатов. И чем шире такая картина мира, тем проще новые истины войдут в практический обиход. Это так называемый рефлекс высшей цели, её зов, словно бы пойманный в перекрестье прицела луч из будущего, по которому предстоит отправиться в это самое космическое будущее.

Согласно философии научного космизма, Земля и человек – открытые системы, они существуют не сами по себе, изолированно от космоса, но всячески связаны с ним, подвержены непознанным пока влияниям космических объектов и представляют собой этап развития материи, общий для всего мироздания.

«Мы привыкли придерживаться грубого и узко антифилософского взгляда на жизнь как на результат случайной игры только земных сил. Это, конечно, неверно. Жизнь же, как мы видим, в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Она живёт динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звёзд, Солнца и планет» [1, с.18].

Взгляд для науки совершенно новый, поражающий своей дерзостью и стремлением охватить всю необъятность мира, с другой стороны – едва ли не банальный, ибо истине: «Человек – микрокосм» немало веков. Но проблема в том, что «...мы так привыкли к жалкой посредственности, что великие истины ослепляют нас, как Солнце, если посмотреть прямо на него» [1, с.165].

Подобно Копернику, Чижевский разрушал геоцентризм и завершил этот процесс в его последнем укрытии – науках о человеке и жизни. Перед ним открылся образ поверхности нашей планеты как отражения, в которое, как в зеркало, упирается Солнце своим светоносным взором. И всякое изменение в солнечном настроении немедленно отражается в том, что происходит в тонкой плёнке биосферы, окутывающей небольшой холодный каменный шар, наматывающий миллиарды кругов вокруг этого сверхпристального пылающего ока.

В марте 1918 года (всего-то в 21 год!) он защитил в МГУ докторскую диссертацию, суть которой спустя 6 лет была оформлена в брошюру «Физические факторы исторического процесса». Оппонентами были знаменитые историки Платонов и Кареев.

Суть открытия заключалась в том, что происходящие примерно каждые 11 лет солнечные выбросы оказывают прямое воздействие на психику, на поведение людей. Дополнительная солнечная энергия электризует, динамизирует процессы, играя роль катализатора. Да и не удивительно – нас отделяют от Солнца всего лишь сто девять его диаметров; в качестве модели можно представить себе крупный апельсин и на расстоянии пятнадцати метров – миллиметровая в диаметре бусина.

Именно на эти 2-3-летние промежутки максимальной солнечной активности приходятся начала основных событий, изучаемых нами в истории, – войн, революций, волнений людей, восстаний... При этом вовсе не обязательно, что в эти годы будет происходить что-то страшное. Но обязательно будет что-то происходить. Страхное происходит, когда человек оказывается игрушкой в руках непознанного. Дело же и призвание человека разумного – узнав о закономерности, соответствующим образом подготовиться к переработке дополнительной энергии.

«А почему бы не попытаться нам наполнить импульс, идущий из космических глубин, нужным нам, вполне нами продуманным содержанием?» [2, с.682].

Одной из интересующих учёного областей была телепатия. Знакомство с дрессировщиком Дуровым и психиатром Бехтеревым, наблюдение за соответствующими экспериментами, произвели на него неизгладимое впечатление.

Мыслитель понимал, что усвоение человеком, личностью космической энергии – обратная сторона серьёзного исследования космоса, которое, в свою очередь, неизбежно. Бессмысленно подходить к новым явлениям со старым вооружением. Первое же вооружение человека – это его душа. Чижевский не знал о трудах Рерихов, наполненных призывами обратить самое пристальное внимание на психическую энергию и расширение сознания. Но идеи недаром «витают в воздухе». То, что актуально, рождается одновременно в головах у многих талантливых, открытых новому веку людей.

«Потенциал человеческой фантазии неисчерпаем. Но совершенно невообразимо, какую энергию должна будет развить психика, чтобы приучить себя к бездонным просторам Космоса, к его черноте с колючими звёздами, к беспредельному одиночеству в нём» [1, с.40].

Сиянье звёзд – для сердца утешенье!

Минует всё: и жизнь, и жизни беды,

А новое чужое поколение

Увидит также слёзы Андромеды!

И в час ночной, когда в покрове белом

Луна-фантом взошла – и помертвела –

Над одиноким телом

Затеплится зелёная Капелла.

И меж тобой и Космосом эфирным

Возникнут гармонические хоры,

Приветствуя сочувствием всемирным

Тебя, о перл Великого Скульптора!

Это стихотворение написано Александром Леонидовичем почти за полвека до выхода в свет знаменитого романа другого выдающегося мыслителя-космиста – Ивана Антоновича Ефремова, который был младше Чижевского всего на 10 лет, но представлял собой уже совершенно иное поколение. Роман, публиковавшийся одновременно с запуском первого спутника (обоим сегодня ровно полвека), был назван «Туманность Андромеды»; в нём земляне ноосферного будущего в числе прочего посылают звездолёт осваивать новую планету – в систему зелёной звезды...

Параллельно Чижевский активно экспериментирует с электрически заряженными частицами разной полярности – ионами. Это стало отправной точкой для создания феномена «люстры Чижевского», искусственной аэроионизации в лечебных целях. В 1918-1919 годах он вдобавок преподаёт русский язык и литературу на калужских пехотных командных курсах. Под лабораторию были заняты несколько комнат его калужского дома. Советское правительство оказывало содействие работам учёного: дом охранялся от заселения и реквизиции. В 1922 году он начал работать в Москве в археологическом институте, в практической лаборатории зоопсихологии Главнауки, в центральной лаборатории ионификации.

В его изысканиях сплетаются воедино общая биология, история, физиология, медицина, метеорология и астрономия. Кредо, которое было сформулировано его старшим современником Вернадским, – необходимость специализации не по наукам, а по проблемам – творчество Чижевского, как и других космистов, иллюстрирует великолепно. Все открытия этих учёных лежат на стыке наук, носят характер синтетический. Если сам Вернадский основал биогеохимию, Ефремов – тафономию (синтез палеонтологии и геологии), то Чижевский – гелиобиологию.

За границей его идеи были встречены с огромным энтузиазмом, Чижевского избрали почётным членом нескольких академий. Директора института биофизики, в котором Чижевский одно время работал, засыпали вопросами относительно работ его сотрудника. Это сыграло негативную роль, и отношения начальством вконец испортились. Знаменитый шведский учёный Сванте Аррениус, сыгравший главную роль в термодинамических воззрениях Циолковского и отстаивавший вечную молодость Вселенной, не признававший энтропийного угасания открытых систем, позвал Чижевского сотрудничать к себе. Стараниями Луначарского, Горького и Чичерина была организована поездка за границу. За два дня до отъезда Чичерин вызвал Чижевского и сообщил, что по не зависящим от него причинам поездка отменяется...

Чижевский тонко подметил впоследствии, что, возможно, оно было и к лучшему – авторитетная воля Аррениуса не наложила на научную миссию молодого учёного.

Подлинный учёный – это тот, кто безбоязненно подходит к самым сложным вопросам и принимает во внимание все факты. В XX веке роль науки чрезвычайно увеличилась, поэтому научные и околонучные споры всё больше стали оказывать непосредственное влияние на мир, на знакомство людей с практическими результатами того или иного открытия. А также на тот образ мира, который под названием «научная картина мира» авторитетно утверждался.

Но учёный – прежде всего человек, человеку же часто свойственно скрывать плохо осознаваемые стремления и побуждения под маской социальной роли (если такое раздвоение осознаётся, то мы говорим, что человек лицемер), свода неких правил, толкуемых в каждом конкретном случае соответственно. Такими «учёными» наука воспринимается сводом нерушимых догм, а критика новых идей – нарушением существующего миропорядка. По сути, яростное неприятие церковниками теории Коперника имело ту же причину. Но если церковь по определению догматична, то сама суть науки заключается в беспрестанном развитии: накоплении нового опыта и его осмысления, применении новых подходов, расширении знания об окружающем мире.

Чижевский громкогласно осмеивался как «мракобес», «солнцепоклонник», «язычник», и если бы не поддержка отдельных «сильных мира сего» – например, наркома здравоохранения Семашко, защитившего Чижевского перед Сталиным, или Алексея Петровича Павлова, судьба учёного была бы много печальнее.

«Из-за Солнца в те годы велись подлинные битвы, у меня требовали официального отказа от собственных многолетних исследований, требовали покаяния и публичного осквернения собственных работ и отречения от них. Это требование было даже зафиксировано в протоколах ВАСХНИЛ. Но я долго крепился, подобно Галилею, и не произнёс хулы на науку» [1, с. 528].

Понимание неизбежности такого будущего было у Чижевского с молодости – он был очень мудр, и в стихах высказывался образно и ёмко:

Галилей

И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,

И омрачились трезвые умы,

И пал престол, и были неотвратны

Голодный мор и ужасы чумы.

И вал морской вскипел от колебаний,

И норд сверкал, и двигались смерчи,

И родились на ниве состязаний

Фанатики, герои, палачи.

И жизни лик подёрнулся гримасой:

Метался компас – буйствовал народ,

А над землёй и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.

О, ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей –
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

1921

Неустанно поддерживающий Чижевского Константин Эдуардович натерпелся от гонителей в учёной среде и просто издевательств со стороны невежественных обывателей за свою долгую жизнь ещё больше и очень хорошо понимал тяжесть такого положения.

Чижевскому удалось заявить о себе в научном мире, но его оригинальные выводы, подтверждённые массой фактов, никак не учитывались. Попытки по аэроионизации попытался путём интриг присвоить профессор Ветчинкин, что ему в то время частично удалось. Более того, он стал утверждать, что лечебно-профилактическое действие оказывают ионы с положительным зарядом, в то время как Чижевский доказывал своими опытами противоположное. Итогом можно считать фактическое забвение этого открытия Чижевского до 90-х годов XX века.

Чижевский был упрям и считал, что наука – дело всеобщее, поэтому упорно пытался пробить издание своих крупных рукописей: «Гелиотараксия», «Земля в объятиях Солнца»... Почти все они были отклонены. Отношения со многими представителями научного мира безнадежно испорчены. Горькая язвительность мастера, понимающего своё одиночество в мире лжи, зависти и фальши, была боевой; он не молчал в ответ на огульные обвинения. Позже сам признавался, что нервное напряжение было столь велико, что только лечение отрицательными ионами помогало не впасть в разрушительную депрессию или даже сойти с ума.

Но не только учёным был этот человек, не только наука его занимала. Чижевский был поэтом, чью поэтическую безупречность отмечали такие признанные и такие разные мастера слова, как А. Н. Толстой, Флоренский, Брюсов, Маяковский, Волошин... Впервые после Державина, Фета и Тютчева поэзия наполняется космически философским содержанием, полным ясности мысли практического учёного-диалектика. Писал он и дивные лирические стихи о природе и родине, сейчас превращённые энтузиастами в чарующе-притягательные песни:

Летний дождик

Нависли тучки над листвою;
Повсюду сладкий аромат;
Как душно мне перед грозой!
Как молчаливо дремлет сад!

Здесь всё так томно, так уютно!
Цветки склонились головой
И ждут, пока их дождь минутный
Овеет влагой золотой.

А вот уж в дальней роще, там,
Где посреди берёз и сосен
Весь день не молкнет птичий гам,
Что так шумлив, многоголосен, —

Вдруг зашуршало по листве...
И ближе, ближе и скорее
Закапал дождик по аллее,
По непокрытой голове...

Чрезвычайно интересен его самобытный взгляд на поэзию, развитый в трактате «Академия поэзии», где он обосновывал необходимость создания специального учебного учреждения, своего рода храма поэзии, подобно тому, как существуют храмы науки — университеты.

«Сделать человека человеком — вот всепоглощающая цель искусства».

«Истинное искусство всегда нравственно».

«Поэзия есть постигнутая истина, а нет религии – выше истины».

«Выразить мимолётное чувство в нескольких словах и дать полную картину переживания, могущего направить наш дух в область космических волн и приобщить его к жизни вселенной – вот задача поэтического творчества».

Был Чижевский и хорошим художником-пейзажистом.

В 1942 году профессор Чижевский после третьего витка наветов был-таки репрессирован и до 1950 года находился в заключении. В лагере учёный проявил редкое мужество в отстаивании достоинства. Силу его духа не могло сломить ничто, а поставил он себя так, что вызвал огромное уважение заключённых и опаску начальства. Яркий пример: все заключенные носили на фуражке, спине и коленях нашитые номера. Чижевский категорически протестовал против превращения человека в номер и ни разу не нашёл себе его, несмотря на карцеры, избиения и издевательства уголовников. Начальство было вынуждено признать его протест. Сам начальник лагеря считался с волей Чижевского. Учёный получил возможность заниматься в лагере научной работой и – беспрецедентный факт – отбыв свой срок заключения, добровольно остался на месяц, чтобы закончить научную работу по электрогемодинамике.

В 1950 году он был сослан в Караганду. Но и там продолжал работу. Многим больным в Карагандинской областной больнице при заживлении ран оказали помощь сеансы аэроионотерапии.

Спустя 8 лет Чижевский возвращается в Москву, где до последних дней жизни борется за внедрение аэроионизации в жизнь. Ушёл из жизни он в 1964 году.

Александр Леонидович Чижевский. Оригинальный историк, синтезировавший историю с астрономией, основоположник космической биологии и медицины, аэроионологии, создатель математической теории электродинамики крови, талантливый изобретатель. Создал 500 научных трудов, стал действительным и почетным членом 30 академий, университетов и научных обществ разных стран мира. В 1939 году его выдвигали кандидатом на Нобелевскую премию. Интересный художник и выдающийся поэт.

На международном конгрессе биофизиков в Нью-Йорке в 1939 году Чижевского назвали "Леонардо да Винчи XX века"...

Жить гению в цепях не надлежит,

Великое равняется свободе,

И движется вне граней и орбит,

Не подчиняясь людям, ни природе.

Великое без Солнца не цветёт:
Происходя от солнечных истоков,
Живой огонь снопом из груди бьёт
Мыслителей, художников, пророков.

Без воздуха и смертному не жить,
А гению бывает мало неба:
Он целый мир готов в себя вместить,
Он, сын Земли, причастный к силе Феба.

1. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. - М., 1995.
2. Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. - М., 1995.

2007 г.